

— Соснов, на выход! К тебе сестра приехала! Дуй на КПП, — сержант произнес эти три фразы в пулеметном режиме, и до новобранца Дмитрия Соснова смысл слов доходил уже на ходу. За четыре месяца службы он уже привык подчиняться приказам, не рассуждая. И уже на подходе к строению, разделяющему гражданский мир от армейского, у парня сердце забилося в тревожном ритме. Только тут до него дошло — его отделяет всего несколько шагов до старшей сестры Ольги. И он увидит ее, родного человека «оттуда», с гражданки. Родного в полном смысле этого слова — с сестрой его связывала дружба, хотя она и была взрослее его на семь лет.

За месяцы службы в армии они написали друг другу дюжину писем. Сестра сообщала об учебе в университете, который уже заканчивала, сетуя на то, как быстро пролетают студенческие годы, он же коротко информировал ее о своем солдатском быте, между строк грустя о том, как медленно тянется время, отмерянное на службу. Дмитрию очень не хотелось идти в армию; и здесь он очень страдал от отсутствия своих друзей, невозможности заняться чем-то интересным, от замкнутости пространства и вынужденного общения с сослуживцами с явно неблестящим интеллектом и парой-тройкой незатейливых интересов, которые как раз на воинской службе наиболее недостижимы...

С той, прежней, насыщенной жизнью, его связывали теперь лишь письма — от родителей, бывших однокурсников по художественному училищу, теперь разбросанных по всей стране, и конечно — от сестры.

Недавно Ольга написала, что может заехать к нему в часть по дороге на море, в июле, но сказано это было как-то неопределенно, вскользь, как благое пожелание: получится — не получится. Получилось... Да, вот она, его сестра, стоит на КПП, и о чем-то беседует с дежурным по части.

— Ну что ж, боец он, в общем-то, старательный. Тихий, правда. А в тихом болоте... — услышал Дмитрий слова старшего лейтенанта Волобуева. После этих слов старлей как-то странно поглядел на Ольгу и замолк, увидев подходящего к ним рядового Соснова.

— Димуля, здравствуй! — обрадовано воскликнула сестра. И тут же чмокнула в щеку, полуобняв брата, одетого в мешковатую военную форму. Парень от нахлынувшей на него радости от созерцания родной сестры, довольно крепко обхватил хрупкое девичье тело своими огрубевшими ладонями с мозолями от занятий на турнике и солдатских работ.

— Возмужал-то как! — Ольга произнесла еще несколько фраз, часть из которых была явно адресована представителю офицерского корпуса Вооруженных Сил Волобуеву, стоящему с ними рядом. Она говорила что-то о пользе службы, делающей из мальчишек настоящих, выносливых и крепких мужчин. Фразы получались двусмысленные, особенно на извращенный казарменный слух.

А Дмитрий, действительно, был как-то тих и скован при офицере и льбящихся на них сослуживцев, оказавшихся на КПП. Обняв сестру, Дмитрий почувствовал странное, тягучее томление и волнение, которое усиливалось от ароматного шлейфа духов, исходящего от Ольги. Она не была красавицей, но зато обладала завидной стройностью и замечательной фигурой. Грудь у нее была небольшая, но длинные мускулистые ноги (напоминание о занятиях балетом) — одно загляденье. И вот это-то загляденье и демонстрировала его сестра в

полном объеме: на ней была белая мини — юбка, сквозь которую не вполне четко, но все же можно было увидеть очертания женских трусиков. На уже успевшее загореть под летним солнцем тело была надета обычная майка-безрукавка, нежного персикового цвета, с неизменным набором иноязычных надписей и пальм. Обычный наряд для путешествия на море. Вот только что-то сильно он взволновал и Дмитрия, и его истосковавшихся по гражданской жизни и, конечно, по девчонкам, сослуживцев. Соснов, ощутивший неловкость, над которой все больше начинало брать верх какое-то тягучее, застилающее сладким дурманом, чувство, начал лихорадочно соображать, как выскользнуть из зоны всеобщего пожирания глазами его сестры. На помощь, как ни странно, пришел офицер, который, к тому же, был ротным командиром смутившегося паренька.

— Так, Соснов, тебе 20 минут на сборы: доложишь старшине роты ситуацию, и возьмешь увольнительную, с ночевкой, раз уж сестра приехала. Обрато в часть — в 16—00 завтра. Парадка у тебя в порядке? — спросил в заключение Волобуев, и, получив утвердительный ответ, козырнул сестре, уже на ходу бросив ей фразу, мол, подождите у ворот части...

Соснов устремился в казарму со скоростью ракеты. Мысли неслись ему вдогонку — как-то странно произнес старлей «сестра», с каким-то подозрением. Но Ольга — действительно сестра Дмитрия, но как она чертовски хороша! И она такая, такая... будоражающая сознание и заставляющая вспоминать о многомесячном воздержании...

Какая она все-таки замечательная! А эта примагничивающая плотоядные взгляды мужчин юбка, которая открывает стройные, загорелые девичьи ноги, так контрастирующие с ослепительно белой тканью. Она так обтягивает попку! А эти трусики, словно не нарочно заявляющие о себе сквозь полотно юбки? Да, пожалуй, в столь сильном эротическом ключе сестра воспринималась им впервые. «Чертов спермотоксикоз», — встряхнул головой Соснов, отгоняя позорные мысли на подходе к КПП.

... Они сидели в кафе «Мороженое», полчаса назад оставив часть. Их окружали люди, среди которых было немало женщин — и девушек лет 14, и довольно симпатичных молодых мамочек, поедавших вместе со своими чадами ледяную снедь. Но Дмитрий смотрел лишь на сестру, разговаривал с ней, перескакивая с одной темы на другую. На расспросы о службе отвечал односложно. Что рассказывать — что не был в увольнении с момента принятия присяги три месяца назад, что все однообразно и беспросветно, что очень скучает по гражданке, что ему не хватает женского общения, к которому он привык, учась в художественном училище? Да уж лучше послушать веселые новости сестры. Но повисла пауза...

— Жарко. Как тебе не душно в этом кителе? — рассмеялась Ольга. И предложила прогуляться «где-нибудь в тенишке». Они направились в городской парк. Здесь можно было пройтись по тенистой аллее и даже спуститься по ней к речке, берег которой был засажен ивами. Они шли по аллее, разговаривали, но иногда Дмитрий притормаживал, пропуская сестру немного вперед, и любовался женственными формами девушки.

— Я скучал по тебе, Оль. А сегодня тебя увидел — будто и не сестру, а красавицу из сказочного королевства! — выпалил солдат то, что хотел сказать с самого первого момента их встречи. — Правда! Ты так отпадно выглядишь... Видела, как на тебя старлей пялился, а бойцы щерились? Козлы...

— Не преувеличивай! И не лести мне! Ты что, в армии совсем соображать разучился, как надо с сестрой разговаривать? — попробовала пресечь такой разговор Ольга. Они на секунду

остановились, и, не сговариваясь, направились к берегу.

— Ну почему... Просто в армии начинаешь еще острее ценить женскую привлекательность, и почему не сказать вслух правду, в том числе — и своей сестре? Оля, ты замечательно выглядишь, я это оценил в первую секунду, ты привлекательна и сексапильна, а твой наряд делает тебя просто совершенством, — Дмитрий собрал в кулак всю свою волю, чтобы озвучить мысли, которые не давали ему покоя битый час. Кровь пульсировала в висках, отдаваясь в том же ритме в паху. Парень сказал, и уже пожалел, не зная, как отнесется к этому сестра. Но она мудро распорядилась нежданной чередой восхищений от представителя противоположного пола.

— Димуля, ты говоришь мне такие комплименты, от которых растает любая женщина. Хоть брат расщедрился на красноречие в мой адрес! Я таких слов и не слышала, — усмехнулась Ольга.

Они стояли на берегу, по соседству с раскидистой ивой. Рядом с ивами были посажены еще какие-то кустарники, что создавало нечто вроде изгороди, в центре которой находилось что-то напоминающее уединенную беседку, сотворенную из растительности. Впрочем, народа и в парке-то было не очень много, не говоря уже об этих спрятанных покровом буйной флоры местах. Середина недели все же... Ольга откинула прядь волос, прислонилась к иве.

Кокетливо прищурилась, глядя на своего брата. Она взвешивала что-то, на миг задумавшись...

— Так, продолжай, осыпай меня комплиментами, братик, — наконец произнесла девушка. Все более обуреваемый тяготением к женщине (и плевать, что это его сестра, кокетливо позволяющая ему произносить рискованные речи!), Соснов выполнил просьбу, все глубже увязая в этой рискованной игре.

— Да, ты очень классно выглядишь, ты напоминаешь царственную лань, которая побуждает охотиться за тобой без усталости, лишь бы увенчать свои старания победой. Я невольно становлюсь таким охотником, потому что меня восхищает твоя женственность, утонченность, безупречный вкус. И только ты могла так здорово нарядиться, вызывая восхищение. Ты царствуешь, Ольга, — Дмитрий нес абсолютный, но велеречивый бред, дивясь, из каких глубин сознания он извлекает эти перлы. А женщина, как известно, любит ушами, предпочитая слушать подобный словесный поток часами, лишь бы он произносился с воодушевлением и максимально искренне. И этот напор явно ощущался в горячей речи молодого парня. Соснов сам уже заводился от сказанного, входя в раж от этой эмоциональной схватки на грани флора. Впрочем, и сестра, похоже, входила в подобное состояние, вникая в смысл слов, произносимых братом. Она не прерывала речь парня, смелеющего в своих комплиментах все больше.

— Но такие слова надо говорить по секрету, в твое милое ушко, — сказал Дмитрий, беря сестру за руку, и подходя к ней вплотную.

— Да... — взволнованным шепотом согласилась Ольга. Вот тут-то брат интуитивно почувствовал: всё, диковинная лань уже не играет, тут нечто большее. Сердца обоих забились так интенсивно, что, казалось, их стук будут слышен дальше звона церковных колоколов, пронизывающих этот город в дни праздников. Дмитрий губами дотронулся до порозовевшего женского уха, и прошептал в него уже и вовсе крамольное, одновременно перемещая свою горячую ладонь на попку Ольги. Его слова обожгли сестру своим бесстыдством настолько сильно, что маневры рук парня остались без внимания.